

Охотничьи собаки (сборник рассказов). Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://prishvinmihail.ru/> приятного чтения!

Охотничьи собаки (сборник рассказов). Михаил Михайлович Пришвин

Охотничья собака – это ключ от дверей, которыми закрываются от человека в природе звери и птицы. И самое главное в этом ключе – собаке – это ее нос, удивительный аппарат для человека, способного чутье лишь немного дальше своего носа.

Нос собаки, или чутье, как говорят охотники, эта холодная мокрая замазка с двумя дырочками, никогда не перестанет удивлять человека. Бывает, ветер нанесет собаке на открытом болоте запах маленькой птички гаршнепа с такого расстояния, что скажешь потом другому охотнику и он улыбнется и припишет это общей слабости охотников все удачи свои преувеличивать. Да вот и сам я сейчас, рассказывая о чутье собак, остерегаюсь выразить свои чудесные случаи в метрах. Знаю, что скажут он врет, знаю, впрочем, что спрости его самого о своих случаях в опытах на дальность чутья – и он махнет еще много дальше, чем я.

Еще удивительней кажется чутье гончих, несущихся во весь дух по невидимому на чернотропе следу зайца или же лисицы. И мало того! Случается, портая гончая на своем сумасшедшем пробеге старается держаться в стороне от следа, чтобы сила запаха зверя не сбивала чутье. Поразительна тоже для человека мощность легких у гончих и мускульная сила их ног. Сплошь и рядом бывает, что гончая с короткими перерывами лая и бега на заячьих скидках и сметках так и прогоняет зайца весь день.

А какой слух у собак! В лесу глухом, заваленном снегом, охотник идет с лайкой по следу куницы. Вдруг куница махнула на дерево и, невидимая, верхом пошла по кронам, почти сходящимся. Тогда охотник глядит на царапинки куньих лапок по снежным веткам деревьев, на посорки, падающие сверху из-под лапок зверька, царапающих кору на стволах и ветках деревьев. И вот как будто и нет никаких признаков зверя, охотник ничего больше не слышит и ничего не может рассмотреть. Но лайка остановилась, поставила уши рожками и все поняла по слуху: она слышала, как упала посорка, точно определила место на дереве, откуда слетела частичка коры, и что-то увидела там. Охотник поглядел туда внимательно и тоже увидел.

Точно так же каждый охотник-любитель, что бывал с легавой собакой на тяге вальдшнепов, когда в полной для нас тишине в напряженном ожидании вдруг видит, будто электроток пробежал по собаке. Как стрела компаса, повернулась собака туда-сюда и, наконец, стала, и носом своим, как стрелкой, указывает место, откуда следует ждать желанного звука. Охотник повертывается по собаке, как по компасной стрелке, ждет, ждет и вот сам действительно слышит, – собака никогда его не обманет, – слышит известный волнующий звук токующего на лету вальдшнепа, знакомый всякому охотнику: «хор-хор!» и «цик!»

Так собака на охоте бывает как бы дополнением человека, как тоже и лошадь, когда человек на ней едет верхом.

Но собака не лошадь, собака настоящий, можно сказать, задушевный друг человека, и все-таки не сливается с ним в один образ, как сливается лошадь с человеком в кентавре. Может быть, это потому так, что самое главное в собаке для человека – это чутье. Но чутье это не как хвост у лошади: чутье надо приставить к самому лицу человека, а лицо человека для поэта неприкосновенно. Впрочем, и то надо помнить, что время древних натуралистов прошло, и теперь мы больше заняты душой человека и животных, не внешним их выражением, а внутренней связью.

И если понадобится нам найти имя такой связи между человеком и собакой, то мы все знаем, имя этой связи есть дружба.

И тысячи поэтических произведений в стихах и прозе, тысячи живописных и скульптурных произведений посвящены дружбе человека с собакой.

Среди охотников распространено даже такое поверье, будто у настоящего охотника за всю его жизнь бывает только одна-единственная настоящая собака.

Конечно, фактически это поверье является нелепостью: собачья жизнь короткая в сравнении с жизнью человека, мало ли за жизнь свою человек может раздобыть себе

Охотничьи собаки (сборник рассказов). Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru собак с превосходным чутьем и поиском. Смысл этого поверья относится, конечно, не к рабочим качествам собаки, а к самой душе человека: по-настоящему любимой у человека может быть собака только одна.

И это правда!

ЛАДА

Три года тому назад был я в Завидове, хозяйстве Военно-охотничьего общества. Егерь Николай Камолов предложил мне посмотреть у своего племянника в лесной сторожке его годовую сучку, пойнтера Ладу.

Как раз в то время собачку себе я приискивал. Пошли мы наутро к племяннику. Осмотрел я Ладу: чуть-чуть она была мелковата, чуть-чуть нос для сучки был короток, а прут толстоват. Рубашка у нее вышла в мать, желто-пегого пойнтера, а чутье и глаза – в отца, черного пойнтера. И так это было занятно смотреть: вся собака в общем светлая, даже просто белая с бледно-желтыми пятнами, а три точки на голове, глаза и чутье, как угольки. Головка, в общем, была очаровательная, веселая. Я взял хорошенькую собачку себе на колени, дунул ей в нос – она сморщилась, вроде как бы улыбнулась, я еще раз дунул, она сделала попытку меня за нос схватить.

– Осторожней! – предупредил меня старый егерь Камолов.

И рассказал мне, что у его свата случай был: тоже вот так дунул на собаку, а она его за нос, и так человек на всю жизнь остался без носа. И какой уж это есть человек, если ходит без носа!

Хозяин Лады очень обрадовался, что собака нам понравилась: он не понимал охоты и рад был продать ненужную собаку.

– Какие умные глаза! – обратил мое внимание Камолов.

– Умница! – подтвердил племянник. – Ты, дядя Николай, главное, хлещи ее хвощи, как ни можно сильней, она все поймет.

Мы посмеялись с егерем этому совету, взяли Ладу и отправились в лес пробовать ее поиск, чутье. Конечно, мы действовали исключительно лаской, давали по кусочку сала за хорошую работу, за плохую, самое большее, пальцем грозили. В один день умная собачка поняла всю нашу премудрость, а чутье, наверно, ей досталось от деда Камбиза чутье небывалое!

Весело было возвращаться на хутор: не так-то легко ведь найти собаку такую прекрасную.

– Не Ладой бы ее звать, а Находкой, настоящая находка! – повторял Камолов.

И так мы оба очень радостные приходим в сторожку.

– А где же Лада? – спросил нас удивленно хозяин.

Глянули мы – и видим: действительно, с нами нет Лады. Все время шла с нами, а как вот к дому подошла, как провалилась сквозь землю. Звали, манили, ласково и грозно: нет и нет. Так вот и ушли с одним горем. А хозяину тоже несладко. Так нехорошо, нехорошо вышло. Хотели хоть что-нибудь хозяину дать, – нет, не берет.

– Только собрались Находкой назвать, – сказал Камолов.

– Не иначе, как леший увел! – посмеялся на прощанье племянник.

И только мы без хозяина прошли шагов двести по лесу, вдруг из кустика выходит Лада. Какая радость! Мы, конечно, назад, к хозяину. И только повернули, вдруг опять Лады нет, опять – как сквозь землю. Но в этот раз мы больше ее не искали, мы, конечно, поняли: хозяин колотил ее, а мы ласкали и охотились, вот она и пряталась, вот и все... И как только мы повернули домой, Лада, конечно, из куста явилась. По пути домой мы много смеялись, вспоминая слова хозяина: «Хлещи, дядя Николай, хвощи, как ни можно сильней, она все поймет!»

И поняла!

Охотничьи собаки (сборник рассказов). Михаил Михайлович Пришвин prishvinmikhail.ru

Лада теперь у меня уже четвертое поле работает отлично и по лесу и по болоту. Но самая любимая у нее дичь – это жирные длинноносые дупеля. В этой охоте все дело в чутье и в широте поиска. Охотников на дупелей великое множество, и надо успеть в короткое время обыскать места как можно больше. У меня есть жест такой: махну рукой по всему горизонту и Лада летит, расширяя круги все дальше и дальше. И когда сделает стойку очень далеко и разглядит, что я не тороплюсь, возьмет и ляжет. Люблю я это гостю показать. Увидит он, что Лада легла по дупелю, затрясется весь от радости и бежать, а я его за рукав удерживаю, посмеиваюсь:

– Успокойся, успокойся, с этой собакой можешь не торопиться.

И даю закурить. И по дороге что-нибудь нарочно рассказываю забавное.

Вот убьет гость дупеля, положит в сетку жирного, доволен-предоволен, весь так и сияет.

– Ну и собака! – скажет. – А на какое самое большое расстояние от охотника она так может лечь и ждать?

– А хоть на полверсты, – говорю, – хоть на версту ляжет и ждет. Бывает, жарко, иду, не тороплюсь, она заждется, скучно станет, возьмет и свернется калачиком. Прихожу, а из болота от ее тяжести вода выступит, и она в воде хоть бы что! Подивлюсь я, посмеюсь и говорю ей: «А вот ведь пословица говорится: «Под лежащий камень и вода не побежит...»

Гость расхохочется.

– Собака замечательная, – говорит, – вижу своими глазами и всему поверю: и что за полверсты ляжет, и даже что за версту. А вот что калачиком перед птицей свернется, этому, хоть убей меня, не поверю!

Ну, конечно, мне тоже не хочется сознаваться, что на радости немного увлекся, и в оправдание себе привожу гостю всем известный охотничий рассказ: все его знают, и все охотно еще раз выслушивают. Наверно, и вы это слышали, как один охотник пришел на болото, и собака его сделала стойку по дупелю. В тот самый момент, когда охотник направился к собаке, ему подали телеграмму, и он, не помня себя, бежит к лошади. Долго спустя вспомнил, что оставил на болоте собаку на стойке по дупелю. И махнул рукой на собаку. Через год является на то же место с другой собакой, и вот видит: на том же месте, где прошлый год собака стояла, теперь в той же позе скелет ее стоит, и дупель тоже умер на месте и тоже превратился в скелет.

– Вот как, – говорю я гостю, – по-настоящему врут, а что Лада от скуки свернулась калачиком...

– Лучше я скелету поверю, – говорит гость, – чем чтобы в ожидании охотника перед самой птицей в воде собака свернулась калачиком.

БЕЛАЯ РАДУГА

Видал ли кто-нибудь белую радугу? Это бывает на болотах в самые хорошие дни. Для этого нужно, чтобы в заутренний час поднялись туманы, и солнце, показываясь, лучами пронизывало их. Тогда все туманы собираются в одну очень плотную дугу, очень белую, иногда с розовым оттенком, иногда кремовую. Я люблю белую радугу.

Белая радуга в это утро одним концом своим легла в лесистую пойму, перекинулась через наш холм и другим концом своим спустилась в ту болотистую долину, где я сегодня буду натаскивать Нерль.

Рожь буреет. Луговые цветы в этом году благодаря постоянным дождям необыкновенно ярки и пышны. В мокрых, обливающих меня ольховых болотных кустах я скоро нашел тропу в болота и увидел на ней далеко впереди: утопая в цветах, свесив на грудь мглистую бороду, спускался в долину простой Берендей. Я залюбовался долиной, над которой носились кроншнепы, и до тех пор не мог тронуться с места, пока Берендей скрылся в приболотных кустах. Тогда и я сам, как Берендей, утопая в роскошных цветах, среди которых была, впрочем, и Чертова теща, стал спускаться по следам того старого Берендея в приболотницу, высокий кочкарник, заросший мелкими корявыми березками. Эта широкая полоса приболотницы, сходящая на нет возле

Охотничьи собаки (сборник рассказов). Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru пойменного луга, казалась мне прекрасным местом для гнездования бекасов и дупелей. Я только собрался было ползти в кочках, как вдруг вдали над серединой зеленой долины услышал желанный крик, похожий на равномерное повизгивание ручки ведра, когда с ним идут за водой: «ка-чу-ка-чу...» – кричал бекас, вилочкой сложив крылья и так спускаясь в долину. Точно заметив место, куда опустился бекас, я с большим вниманием веду туда на веревочке Нерль. Трава очень высокая, но там, где спустился бекас, все ниже, ниже, и вот, наконец, на топкой, желтоватым мошком покрытой плешине, по-моему, и должен бы находиться бекас. Ставлю собаку против ветра и даю ей немного хлебнуть. А мой головной аппарат на это время почему-то занялся темой: «человек на этом деле собаку съел». Мне думается, эта поговорка пошла от егерей: в дрессировке тугой собаки человек до того может себя потерять, что стоит и орет без смысла, без памяти, а безумная собака носится по болоту за птицами, это значит – собака съела охотника. Но бывает, собака не только слышит и понимает слова, но даже если охотник, вспомнив что-то, тяжело вздохнет на ходу, идущая рядом собака остановится и приглашает глазами поделиться с ней этой мыслью, вызвавшей вздох: вот до чего бывает очеловечена собака, и это называется, значит, человек на своем деле собаку съел.

Нерль у меня полудикая, и, пуская ее возле самого бекаса, я волнуюсь, что сегодняшним утром с белой радугой съест она во мне доброго и вдумчивого человека, каким стараюсь я быть. И тут же, волнуюсь, ласкаю себя надеждой, что не ошибся в выборе собаки, что совершится почти невозможное: собака с первого раза поймет запах бекаса и поведет. Но нет, или она его не чует, или вовсе нет его вблизи этой плешинки. Раздумывая об исчезнувшем бекасе, я вспомнил Берендея и подумал, не он ли это тогда поднял бекаса. В то же время слышу кто-то кричит:

– Эй, ты, борода!

Вижу, сам Берендей, свесив на грудь мглистую бороду, одной рукой опирается на косу, а другой показывает мне куда-то на мысок, поросший мелкими корявыми березками. Теперь все вдруг мне стало понятно: проходя мысиком, Берендей спугнул самку бекаса, она, бросив пасти своих молодых, высоко взлетела, опустилась, и тут на спуске я ее увидел. А в то время как я подходил, пустилась бежать между кочками, как между высокими небоскребами, невидимая мне, в ту сторону, где оставила своих молодых. Все эти проделки я наблюдал множество раз и теперь не ошибся: только я стал на березовый мысок, бекасиха с криком «ка-чу-ка-чу» взлетела и неподалеку, как в воду, канула в болотную траву. Внизу в невидимых глазу темных таинственных коридорах кочкарника бекасиха бежит свободно, взлетает, когда ей вздумается на нас посмотреть, опять садится близехонько и сигнализирует детям.

Там в осоке есть небольшой плес, и к нему лучами сходятся среди обыкновенной болотной травы темно-зеленые полосы: это бегут невидимые ручьи под травой. У самой воды редеет осока и плес окружает драгоценная для ночной жизни бекасов открытая грязь, в нее они запускают длинные свои носы и этими пинцетами отлично достают себе червячков. На середине воды кувшинки, их стволы, свернутые кольцами, охотники называют батышками, тут на этих батышках дневной утиный присадок. Около плеса мы и нашли сразу весь выводок молодых, их всех было четыре, в матку ростом, но вялые на полете. Взвев Нерль на веревочку, я направил ее к месту, где опустился замеченный мною молодой бекас. И много же мы помяли травы, но найти не могли даже и молодого бекаса. Потом я перешел на другую сторону плеса, где опустился второй из выводка, много и тут намесил, но разыскать не мог и второго. Утомленный долгой бесплодной работой, вынул я папиросы, стал закуривать, а веревочку бросил. В тот момент, когда я все свое внимание сосредоточил на конце папироски и горящей спички, чтобы одно пришлось верно к другому, я вдруг почувствовал, что там, вне поля моего ясного зрения, что-то произошло. Взглянув, я увидел: бекасеночек тряпочкой летит в десяти шагах от меня, а Нерль, крайне удивленная, смотрит на него из травы. Я еще не догадывался, почему же именно бекас нашелся в то время, когда я пустил свободно веревку и занялся своей папироской. Звено моей мысли, соответствующее настоящему сознанию собаки, выпало, и потому дальнейшее мне явилось вдруг...

...В данный момент я не иду по болоту, а записываю звенья своей, осмелюсь сказать, творческой мысли. И как же не творческой, если хотя бы одну охотничью собаку я прибавляю к общему нашему богатству. Я видел, на стороне Берендея во время моей долгой работы с собакой косил траву и, отдыхая, иногда глядел на меня. Я уважал его дело: он тоже творил, его материал была трава. А Нерль? Сейчас я покажу, она была тоже творцом, ее материал был бекас. А у того тоже свое творчество – свои

Охотничьи собаки (сборник рассказов). Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru червяки, и так без конца в глубину биосферы смерть одного на одной стороне являлась созданием на другой. Вот вдаль слышится свисток плавучего экскаватора. Эта замечательная машина, мало-помалу продвигаясь руслом речки вверх, приближалась к нашим болотам, чтобы спустить из них воду и осушить и сделать ненужной, бессмысленной мою артистическую работу в этих местах.

Я был утомлен, свисток машины был готов переключить мое жизнеощущение творца, уверенно и радостно поглощающего свои материалы, на унылое чувство необходимости самому рано или поздно для кого-то стать материалом. А человек, по колено в воде подсекающий осоку для зимнего корма своей единственной коровы, мне казалось, с насмешкой смотрел на мое бесполезное дело...

И вдруг... вот в том-то и дело, что никакого вдруг и не было вовсе. Это произошло только потому, что я, желая закурить, предоставил Нерли свободу. Множество лет предки породистой Нерли были в руках человека, который естественное стремление собаки подкрадываться к добыче и останавливаться, чтобы сделать прыжок и схватить, разделил: она останавливается, это ее стойка, а прыжок человек взял себе – этот прыжок, его выстрел, достигающий цели, гораздо вернее собаки. За множество лет культуры это вошло в кровь легавой собаки – стоять по найденной дичи, выполнение стойки стало ее свободой, а дело дрессировщика – только умело напомнить о живущем в ней ее назначении. Но я не напомнил своей Нерли, а только сбивал, потягивая веревочку. И когда я сбросил веревку, она осталась на свободе и сразу нашла бекасенку, – это действие чувства свободы, необходимое и для собачьего творчества, и было пропущенным мною звеном. Теперь я все восстанавливаю. Причужив на свободе бекасенку, она не сразу нашла в наследственных навыках, потянулась, спугнула. Она подняла голову высоко из травы, чтобы поглядеть в сторону улетающего, но ветерок принес ей какой-то новый запах с другой стороны, она поиграла ноздрями, на мгновение взглянула на меня и что-то вспомнила... Совершенно так же, как в жмурках, бывало мы, ребята, шли с завязанными глазами, так и она переступала с лапки на лапку в направлении леса. Там на грязи было множество ночных следов. Я бы рад был, если бы она верхним чутьем подвела к ночным следам улетевших на рассвете бекасов. Довольно мне, чтобы она остановилась по ним с подогнутой лапой и так замерла. Но она, кроме того, повернула ко мне голову и просила глазами:

«Дело какое-то очень серьезное, такого еще не бывало, иди помогать, только не торопись, не шлепай, я же все равно почему-то дальше не могу тронуться».

А когда я к ней, наконец, подошел совсем близко, дрогнула, заволновалась, как бы стыдясь, стесняясь.

«Так ли я все это делаю?»

Я гладил ее, вгляделся своим охотничьим взглядом и такое заметил, чего бы ей никогда не разглядеть: шагах в десяти от нас из-под травы густой и темной выбивался в плес небольшой ручеек, между рукавами его был ржавого цвета круглый, не больше сиденья венского стула, остров, и тут на нем я сразу обратил внимание на две золотистые, округло по бутылочке к горлышку сходящиеся линии, все кончилось длинным носом, отчетливым на фоне дальнейшей воды, – это был маленький гаршнеп, только по золотистым линиям и носу различимый от окружающей его ржавчины, согласной с остальным его оперением.

А Нерль все стояла.

Как хорошо мне было!

Я посмотрел в ту сторону, где Берендей косил осоку. Опираясь на косу, этот другой творец внимательно смотрел на меня.

Я показал ему рукой на собаку, передавая слова:

– Смотри, не напрасно я трудился все утро, смотри, стоит!

Берендей бросил косу, развел руками, передавая слова:

– Удивляюсь, егерь, удивляюсь, больших денег теперь стоит собака!

СОЛОВЕЙ-ТОПОГРАФ

Охотничьи собаки (сборник рассказов). Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Если бы не собрался целый архив писем охотников, свидетельствующих мне свое доверие, я не решился бы ни за что рассказывать об этом удивительном случае с моим гонцом – Соловьем, показавшим невероятный пример топографической памяти гончих собак.

Было это под Загорском.

В густом тумане лисица ходила неправильными кругами, и, как мы ни бились, не могли ее подстоять. Свечерело, я выстрелил по мелькнувшей в кустах тени, промахнулся, и лиса пошла наутек, и за ней, удаляясь в прямом направлении и постепенно затихая, понесся и Соловей...

Мы ждали Соловья чуть ли не до полуночи, а когда вернулись домой, то оставили калитку к нам на двор открытой. Так сплошь и рядом у нас бывало: Соловей ночью вернется и ляжет в своей теплой конуре.

В этот раз мы утром проснулись, глянули на двор – и обмерли: возле будки Соловья лежала неподвижная цепь с расстегнутым ошейником.

Вот только этим, одним только этим и тягостна бывает охота с гончим мастером. Самые хорошие мастера не позывисты, они до тех пор не бросят гон, пока ты не убьешь зверя. А сколько раз случается, что до вечера не постоишь, и потом, уходя, потихоньку все оглядываешься, все ждешь, трубишь, трубишь, губы обморозишь, горло высушишь, и все нет и нет. А наутро встанешь рано, выйдешь в поле, глянешь через поле в лес, и вот заметишь, бывает, там вдалеке сорока, тоненькая как спичка, на березе сидит, и голова у нее вниз, а хвост вверх. Это значит, что там внизу падаль лежит и кто-то на падали сидит и не пускает сороку, и она дожидается, когда этот кто-то наестся и освободит место.

– Не волк ли?

И направишься туда. Но поле большое, идти не хочется. Возьмешься тогда за трубу: если это волк, то он от трубы убежит, а сорока слетит вниз. И трублю, вот трублю! Сорока же сидит и глядит вниз. Значит, не волк, и является надежда.

А еще потрубишь – и вот из овражка показывается самая дорогая для охотника, самая милая на свете и такая знакомая голова. Сорока же стрелой летит вниз...

Раз было еще и так, что пришли мы в лес на другой день после гона и слышим: кто-то глухо и странно отзывается на трубу. Прислушиваемся лучше и не понимаем: это не вдали отзывается, а тут же где-то близко, и вроде как бы даже и под землей. Вскоре затем разобрались хорошенько, и вдруг поняли: это возле лисьих нор отзывается. Пришли к лисьим норам, и вот какая вышла беда: лиса вчера влетела в барсучью нору, и Соловей за ней, и сгоряча залез в отнорок, и так залез, что ни вперед, ни назад.

Понемногу он все-таки, очевидно, подавался вперед, а то бы, наверное, замерз. И так, согреваясь, за ночь он продвинулся, и всего оставалось до выхода каких-нибудь полметра, но тут выход преградили корни березы.

Лиса прошмыгнула, а Соловей застрял, и так бы скоро погиб, если бы мы не услышали его хрип, стон и вой в ответ на трубу...

Возвращаюсь к нашему рассказу.

Вот, как только мы увидели, что возле будки Соловья лежит неподвижная цепь с расстегнутым ошейником, сразу же мы кто куда: кто в лес, кто в милицию, надо же где-то собаку искать.

Так проходит день, а на другой день, когда в городе о пропаже собаки – моего знаменитого во всей округе Соловья – всем стало известно, у нас дверь на петлях не стоит, то и дело слышим: «Идите скорей, ваш Соловей на улице ходит». Поглядишь, а это совсем не Соловей.

Так и работа остановлена, и есть не хочется, и сон отлетает, и одна только мысль о собаке, и жизнь без такой собаки как-то даже и вовсе не нравится.

И вдруг нежданно-негаданно приходит из Васильевского Илья Старов и ведет на

Охотничьи собаки (сборник рассказов). Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
поводке Соловья.

Вот тут-то и приходится мне просить поверить невероятному.

Только единственный раз, год тому назад, был я у этого Старова на охоте за русаками, от Загорска это село верст восемнадцать.

Мы убили в Васильевском за день двух русаков и ночевали у Старова. Хорошо помню, что железка горела, и ребятишки лежали возле железки, и Соловей растянулся рядом с ребятишками.

И после с тех пор мы не бывали в Васильевском. А через год Соловей за лисой прибежал в окрестности Васильевского и, когда ночью опомнился или, может быть, просто загнал лисицу в нору, вспомнил Васильевское, разыскал в нем дом Старова и лег на сено в сарае. Утром Старов и нашел его в сарае и не повел его ко мне в тот же день только потому, что Соловей на ноги не мог наступить.

ПЕРВАЯ СТОЙКА

Мой легавый щенок называется Ромул, но я больше зову его Ромой, или просто Ромкой, а изредка величаю его Романом Василичем.

У этого Ромки скорее всего растут лапы и уши. Такие длинные у него выросли угли, что когда вниз посмотрит, так и глаза закрывают, а лапами он часто что-нибудь задевает и сам кувиркается.

Сегодня был такой случай: поднимался он по каменной лестнице из подвала, зацепил своей лапиной полкирпича, и тот покатился вниз, считая ступеньки. Ромушка этому очень удивился и стоял наверху, спустив уши на глаза. Долго он смотрел вниз, повертывая голову то на один бок, то на другой, чтобы ухо отклонилось от глаза и можно было смотреть.

– Вот штука-то, Роман Василич, – сказал я, – кирпич-то вроде как живой, ведь скачет!

Рома поглядел на меня умно.

– Не очень-то заглядывайся на меня, – сказал я, – не считай галок, а то он соберется с духом, да вверх поскачет, да тебе даст прямо в нос.

Рома перевел глаза. Ему, наверное, очень хотелось побежать и проверить, отчего это мертвый кирпич вдруг ожил и покатился. Но спуститься туда было очень опасно: что если там кирпич схватит его и утянет вниз навсегда в темный подвал?

– Что же делать-то, – спросил я, – разве удрать?

Рома взглянул на меня только на одно мгновение, и я хорошо его понял, он хотел мне сказать.

– Я и сам подумываю, как бы удрать, а ну как я повернусь, а он меня схватит за прутик?[1]

Нет, и это оказывается невозможным, и так Рома долго стоял, и это была его первая стойка по мертвому кирпичу, как большие собаки постоянно делают, когда носом почуют в траве живую дичь.

Чем дольше стоял Ромка, тем ему становилось опасней и страшней: по собачьим чувствам выходит так, что чем мертвее затаится враг, тем ужаснее будет, когда он вдруг оживет и прыгнет.

– Перестояю, – твердит про себя Ромка.

И чудится ему, будто кирпич шепчет:

– Перележу.

Но кирпичу можно хоть и сто лет лежать, а живому песику трудно, устал и дрожит.

Я спрашиваю:

Охотничьи собаки (сборник рассказов). Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

– Что же делать-то, Роман Василич?

Рома ответил по-своему:

– Разве брехнуть?

– Вали, – говорю, – лай!

Ромка брехнул и отпрыгнул. Верно со страху ему показалось, будто он разбудил кирпич и тот чуть-чуть шевельнулся. Стоит, смотрит издали, – нет, не вылезает кирпич. Тихонечко подкрадывается, глядит осторожно вниз: лежит.

– Разве еще раз брехнуть?

Брехнул и отпрыгнул.

Тогда на лай прибежала Кэт, Ромина мать, впилась глазами в то место, куда лаял сын, и медленно, с лесенки на лесенку стала спускаться. На это время Ромка, конечно, перестал лаять, доверил это дело матери и сам глядел вниз много смелее.

Кэт узнала по запаху Роминой лапы след на страшном кирпиче, понюхала его: кирпич был совершенно мертвый и безопасный. Потом, на случай, она постепенно обнюхала все, ничего не нашла подозрительного и, повернув голову вверх, глазами сказала сыну:

– Мне кажется, здесь все благополучно.

После того Ромул успокоился и завилал прутиком. Кэт стала подыматься, он нагнал мать и принялся теревить ее за ухо.

УЖАСНАЯ ВСТРЕЧА

Это известно всем охотникам, как трудно выучить собаку не гоняться за зверями, кошками и зайцами, а разыскивать только птицу.

Однажды во время моего урока Ромке мы вышли на полянку. На ту же полянку вышел тигровый кот. Ромка был с левой руки от меня, а кот – с правой, и так произошла эта ужасная встреча. В одно мгновение кот обернулся, пустился наутек, а за ним ринулся Ромка. Я не успел ни свистнуть, ни крикнуть «тубо»[2].

Вокруг на большом пространстве не было ни одного дерева, на которое кот мог бы взобраться и спастись от собаки, – кусты и полянки без конца. Я иду медленно, как черепаха, разбирая следы Ромкиных лап на влажной земле, на грязи, по краям луж и на песке ручьев. Много перешел я полянок, мокрых и сухих, перебрел два ручейка, два болотца, и, наконец, вдруг все открылось: Ромка стоит на поляне неподвижный, с налитыми кровью глазами; против него, очень близко, тигровый кот – спина горбатым деревенским пирогом, хвост медленно поднимается и опускается. Нетрудно мне было догадаться, о чем они думали.

Тигровый кот говорит:

– Ты, конечно, можешь на меня броситься, но помни, собака, за меня тигры стоят! Попробуй-ка, сунься, пес, и я дам тебе тигра в глаза.

Ромку же я понимал так:

– Знаю, мышатница, что ты дашь мне тигра в глаза, а все-таки я тебя разорву пополам! Вот только позволь мне еще немного подумать, как лучше бы взять тебя.

Думал и я: «Ежели мне к ним подойти, кот пустится наутек, за ним пустится и Ромка. Если попробовать Ромку позвать...»

Долго раздумывать, однако, было мне некогда. Я решил начать усмирение зверей с разговора по-хорошему. Самым нежным голосом, как дома в комнате во время нашей игры, я назвал Ромку по имени и отчеству:

– Роман Василич!

Охотничьи собаки (сборник рассказов). Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Он покосился. Кот завыл.

Тогда я крикнул тверже:

– Роман, не дури!

Ромка оробел и сильное покосился. Кот сильнее провыл.

Я воспользовался моментом, когда Ромка покосился, успел поднять руку над своей головой и так сделать, будто рублю головы и ему, и коту.

Увидев это, Ромка подался назад, а кот, полагая, будто Ромка струсил, и втайне, конечно, радуясь этому, провыл с переливом обыкновенную котовую победную песню.

Это задело самолюбие Ромки. Он, пятась задом, вдруг остановился и посмотрел на меня, спрашивая.

– Не дать ли ему?

Тогда я еще раз рукой в воздухе отрубил ему голову и во все горло выкрикнул бесповоротное свое решение:

– Тубо!

Он подался еще к кустам, обходом явился ко мне. Так я сломил дикую волю собаки.

А кот убежал.

ШКОЛА В КУСТАХ

Необходимо научить молодую легавую собаку, чтобы она бегала в поле вокруг охотника не далее ружейного выстрела, на пятьдесят шагов, а в лесу еще ближе, и главное всегда бы помнила о хозяине и не увлеклась своими делами. Вот это все вместе – ходить правильными кругами в поле и не терять хозяина в лесу – называется правильным поиском.

Я пошел на холм, покрытый кустарником, и прихватил с собой Ромку. Этот кустарник отводят жителям слободы для вырубки на топливо, и потому он называется отводом. Конечно, тут все поделено на участки, и каждый берет со своей полосы, сколько ему понадобится. Иной вовсе не берет, и его густой участок стоит островком. Иной вырубает что покрупнее, а мелочь продолжает расти. А бывает и все вырубят дочиста, на такой полосе остается только ворох гниющего хвороста. Вот почему весь этот большой холм похож на голову, остриженную слепым парикмахером.

Трудно было думать, чтобы на таком месте вблизи города могла водиться какая-нибудь дичь, а учителю молодой собаки такое пустое место на первых порах бывает гораздо дороже, чем богатое дичью. На пустом месте собака учится одному делу: правильно бегать, ни на минуту не забывая хозяина.

Я отстегнул поводок, погладил Ромку. Он и не почувствовал, когда я отстегнул, стоял возле меня, как привязанный.

Махнув рукой вперед, я сказал:

– Ищи!

Он понял и рванулся. В один миг он исчез было в кустах, но, потеряв меня из виду, испугался и вернулся. Несколько секунд он стоял и странно смотрел на меня, – казалось, он фотографировал, чтобы унести с собой отпечаток моей фигуры и потом постоянно держать его в памяти среди кустов и пней, не имеющих человеческой формы. Окончив эту свою таинственную работу, он показал мне свой вечно виляющий прут и убежал.

В кустах – не в поле, где всегда видно собаку. В лесу надо учить, чтобы собака, исчезнув с левой руки, сделала невидимый круг и показалась на правой руке, вертелась волчком.

И я должен знать, что если собака не вернулась с правой руки, значит, где-нибудь она вблизи почуяла дичь и стала по ней. Особенно хорошо бывает следить за

Охотничьи собаки (сборник рассказов). Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru собакой, когда идешь просекой, собака то и дело пересекает тропу.

Вот мой Ромка исчез в кустах и не вернулся. Я очень рад, его чувство свободы оказалось на первых порах сильнее привязанности к хозяину. Пусть будет так, я его понимаю: я охотник и тоже это люблю. Я только научу его пользоваться свободой согласно со мной, так и мне и ему будет лучше. Большими скачками, чтобы не оставлять за собой частых следов, по которым легко было бы ему меня разыскать, я перебегаю через кусты на другую полянку. Там на середине стоит большой куст можжевельника. Я разбежался, сделал огромный скачок в середину куста и затаился.

По мокрой земле не был слышен топот собачьих лап, но зато издали донесся до меня треск кустов и частое ха-ха-нье. Я понимаю хорошо это ха-ха-нье, он хватился меня, бросился со всех ног искать и сразу от сильного волнения задыхался. Однако он довольно верно рассчитал место моего нахождения: пронесится по первой поляне, откуда я начал скакать.

Когда все снова затихло, я даю сигнал своим резким свистком. Очень похоже на игру в жмурки.

Мой свист достиг его слуха, вероятно, как раз в то время, когда он в недоумении стоял где-нибудь на полянке и прислушивался. Он верно определил исходную точку звука, пустился во весь дух с паровозным ха-ха-ньем и стал в начале полянки с кустом можжевельника.

Я замер в кусту.

От быстрого бега и ужасного волнения у него висел язык на боку челюсти. В таком состоянии, конечно, он ничего чутя не мог, и расчет его был только на слух: уши переполовинил, одна половина стоит, другая, обламываясь, свисает и все-таки закрывает ушное отверстие. Пробует склонить голову на сторону, – не слышно, на другую – тоже не слышно. И, наконец, понял, в чем дело: он не слышит потому, что заглушает хозяйский звук своим дыханием, исходящим из открытого рта. Закрывает рот, второпях одну губу прихватил и так слушает с подобранной губой.

Чтобы не расхохотаться при виде такой смешной рожи с поджатой губой, я зажимаю себе рот рукой.

Но ему не слышно. Природа без хозяина ему кажется теперь как пустыня, где бродят одни только волки, его предки. Они ему не простят за измену волчьему делу, за любовь к человеку, за его теплый угол, за его хлеб-соль. Они его разорвут на клочки и съедят. С волками жить, надо по-волчьи выть.

И он пробует. Он высоко поднимает голову вверх и воет.

Этого звука я у него никогда еще не слышал. Он действительно почувствовал волчью пустыню без человека. Совершенно так же воют молодые волки в лесу, когда мать ушла за добычей и долго не возвращается...

Да оно так и бывает. Волчья матка схватила овцу и несет ее к детям. Но охотник проследил ее путь и притаился в засаде. Волчица убита. Человек приходит к волчатам, берет их к себе и кормит. Неизмеримы запасы нежности в природе, свои чувства к матери волчата переносят на человека, лижут ему руки, прыгают на грудь. Они не знают, что этот человек застрелил их настоящую мать. Но дикие волки все знают, они смертельные враги человеку и этой изменнице волчьему делу, собаке.

Ромка так жалобно воет, что у меня сжимается сердце. Но жалеть мне нельзя: я учитель.

Я не дышу.

Он повертывается задом ко мне и слушает в другой стороне. Может быть, где-нибудь в поднебесье свистнул пролетающий кулик?

Не туда ли забрался хозяин и не он ли зовет к себе на небеса?

А вот это, наверно, в ближайшем болотце корова спугнула чибиса, и он, взлетая,

Охотничьи собаки (сборник рассказов). Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru высвистывал свое обыкновенное: «Чи вы?» Это уж и не так высоко и не так далеко, очень возможно, это свистнул хозяин.

Ромка со всего маху ринулся на это «Чи вы?», а я вслед ему резко в свисток: «Вот я!»

Он вернулся.

В какие-нибудь пятнадцать минут я измучил его и на всю жизнь напугал лесом пустым, без человека, поселил в нем ужас к жизни его предков, диких волков. И когда, наконец-то, я нарочно шевельнулся в кусту и он услышал это, и я закурил трубку, а он почуял запах табаку и узнал, то уши его опустились, голова стала гладкой, как арбуз. Я встал. Он лег виноватый. Я вышел из куста, погладил его, и он бросился в безумной радости с визгом скакать.

ЯРИК

Однажды я лишился своей легавой собаки и я охотился по бродкам, значит, росистым утром находил следы птиц на траве и по ним добирал, как собака, и не могу наверно сказать, но мне кажется, я немного и чуял.

В то время верст за тридцать от нас ветеринарному фельдшеру удалось повязать свою замечательную ирландскую суку с кобелем той же породы, та и другая собаки были из одного разгромленного богатого имения. И вот однажды в тот самый момент, когда жить стало особенно трудно, один мой приятель доставил мне шестинедельного щенка-ирландца. Я не отказался от подарка и выходил себе друга. Натаска без ружья мне доставляет иногда наслаждение не меньшее, чем настоящая охота с ружьем.

Помню, раз было... На вырубке вокруг старых черных пней было множество высоких, елочкой, красных цветов, и от них вся вырубка казалась красной, хотя гораздо больше тут было Иван-да-Марья, цветов наполовину синих, наполовину желтых, во множестве тут были тоже и белые ромашки с желтой пуговкой в сердце, звонцы, синие колокольчики, лиловое кукушкино платье, – каких, каких цветов не было, но от красных елочек, казалось, вся вырубка была красная. А возле черных пней еще можно было найти переспелую и очень сладкую землянику. Летним временем дождик совсем не мешает, я пересидел его под елкой, сюда же в сухое место собрались от дождя комары, и как ни дымил я на них из своей трубки – собаку мою, Ярика, они очень мучили. Пришлось развести грудок, как у нас называют костер, дым от еловых шишек повалил очень густой, и скоро мы выжили комаров и выгнали их на дождик. Но не успели мы с комарами расправиться, дождик перестал. Летний дождик – одно только удовольствие.

Пришлось все-таки под елкой просидеть еще с полчаса и дожждаться, пока птицы выйдут кормиться и дадут по росе свежие следы. Когда по расчету это время прошло, мы вышли на красную вырубку, и, сказав:

– Ищи, друг! – я пустил своего Ярика.

Ярику теперь пошло третье поле. Он проходит под моим руководством высший курс ирландского сеттера, третье поле – конец ученью, и если все будет благополучно, в конце этого лета у меня будет лучшая в мире охотничья собака, выученный мной ирландский сеттер, неутомимый и с чутьем на громадное расстояние.

Часто я с завистью смотрю на нос своего Ярика и думаю: «Вот, если бы мне такой аппарат, вот побежал бы я на ветерок по цветущей красной вырубке и ловил бы и ловил интересные мне запахи».

Но не чуткие мы и лишены громадного удовольствия. Мы постоянно спрашиваем: «Как ваше зрение, хорошо ли вы слышите?», но никто из нас не спросит: «Как вы чувствуете, как у вас дела с носом?» Много лет я учу охотничьих собак. Всегда, если собака причует дичь и поведет, испытываю большое радостное волнение и часто думаю: «Что же это было бы, если бы не Ярик, а я сам чуял дичь?»

– Ну, ищи, гражданин! – повторил я своему другу.

И он пустился кругами по красной вырубке.

Скоро на опушке Ярик остановился под деревьями, крепко обнюхал место, искося,

Охотничьи собаки (сборник рассказов). Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru очень серьезно посмотрел на меня, пригласил следовать: мы понимаем друг друга без слов. Он повел меня за собой очень медленно, сам же уменьшился на ногах и очень стал похож на лисицу.

Так мы пришли к густой заросли, в которую пролезть мог только Ярик, но одного его пустить туда я бы не решился: один он мог увлечься птицами, кинуться на них, мокрых от дождя, и погубить все мои труды по обучению. С сожалением хотел было я его отозвать, но вдруг он вильнул своим великолепным, похожим на крыло, хвостом, взглянул на меня; я понял, он говорил:

– Они тут ночевали, а кормились на поляне с красными цветами.

– Как же быть? – спросил я.

Он понюхал цветы: следов не было. И все стало понятно: дождик смыл все следы, а те, по которым мы шли, сохранились, потому что были под деревьями.

Оставалось сделать новый круг по вырубке до встречи с новыми следами после дождя. Но Ярик и полукруга не сделал, остановился возле небольшого, но очень густого куста. Запах тетеревов пахнул ему на всем ходу, и потому он стал в очень странной позе, весь кольцом изогнулся и, если бы хотел, мог во все удовольствие любоваться своим великолепным хвостом. Я поспешил к нему, огладил и шепотом сказал:

– Иди, если можно!

Он распрямылся, попробовал шагнуть вперед, и это оказалось возможно, только очень тихо. Так, обойдя весь куст кругом, он дал мне понять: «Они тут были во время дождя».

И уже по самому свежему следу, по роске, по видимому глазом зеленому бродку на седой от капель дождя траве повел, касаясь своим длинным пером на хвосте самой земли.

Вероятно, они услышали нас и тоже пошли вперед, я это понял по Ярику, он мне по-своему доложил:

– Идут впереди нас и очень близко.

Они все вошли в большой куст можжевельника, и тут Ярик сделал свою последнюю мертвую стойку. До сих пор ему еще можно было время от времени раскрывать рот и хахатать, выпуская свой длинный розовый язык, теперь же челюсти были крепко стиснуты, и только маленький кончик языка, не успевший вовремя вобраться в рот, торчал из-под губы, как розовый лепесток. Комар сел на розовый кончик, впился, стал наливаясь, и видно было, как темно-коричневая, словно клеенчатая, тюпка на носу Ярика волновалась от боли и танцевала от запаха, но убрать язык было невозможно: если открыть рот, то оттуда может сильно хахнуть и птиц испугать.

Но я не так волновался, как Ярик, осторожно подошел, ловким щелчком скинул комара и полюбовался на Ярика сбоку: как изваянный, стоял он с вытянутым в линию спины хвостом-крылом, а зато в глазах собралась в двух точках вся жизнь.

Тихонько я обошел куст и стал против Ярика, чтобы птицы не улетели за куст невидимо, а поднялись вверх.

Мы так довольно долго стояли, и, конечно, они в кусту хорошо знали, что мы стоим с двух сторон.

Я сделал шаг к кусту и услышал голос тетеревиной матки, она квохнула и этим сказала детям.

– Лечу, посмотрю, а вы пока посидите.

И со страшным треском вылетела.

Если бы на меня она полетела, то Ярик бы не тронулся, и если бы даже просто полетела над ним, он не забыл бы, что главная добыча сидит в кусту, и какое это страшное преступление бежать за взлетевшей птицей. Но большая серая, почти в

Охотничьи собаки (сборник рассказов). Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
курицу, птица вдруг кувыркнулась в воздухе, подлетела почти к самому Ярикову
носу и над самой землей тихонько полетела, маня его криком:

– Догоняй же, я летать не умею!

И, как убитая, в десяти шагах упала на траву и по ней побежала, шевеля высокие
красные цветы.

Этого Ярик не выдержал и, забыв годы моей науки, ринулся.

Фокус удался, она отманила зверя от выводка и, крикнув в кусты детям.

– Летите, летите все в разные стороны, – сама вдруг взмыла над лесом и была
такова.

Молодые тетерева разлетелись в разные стороны, и как будто слышалось издали
Ярику:

– Дурак, дурак!

– Назад! – крикнул я своему одураченному другу.

Он опомнился и виноватый медленно стал подходить.

Особенным, жалким голосом я спрашиваю:

– Что ты сделал?

Он лег.

– Ну, иди же, иди!

Ползет виноватый, кладет мне на коленку голову, очень просит простить.

– Ладно, – говорю я, усаживаясь в куст, – лезь за мной, смирно сиди, не хахай:
мы сейчас с тобой одурачим всю эту публику.

Минут через десять я тихонько свищу, как тетеревята:

– Фиу, фиу!

Значит:

– Где ты, мама?

– Квох, квох, – отвечает она, и это значит:

– Иду!

Тогда с разных сторон засвистело, как я:

– Где ты, мама?

– Иду, иду, – всем отвечает она.

Один цыпленок свистит очень близко от меня, я ему отвечаю, он бежит, и вот я
вижу у меня возле самой коленки шевелится трава.

Посмотрев Ярику в глаза, погрозив ему кулаком, я быстро накрываю ладонью
шевелившееся место и вытаскиваю серого, величиною с голубя, цыпленка.

– Ну, понюхай, – тихонько говорю Ярику.

Он отвертывает нос: боится хамкнуть.

– Нет, брат, нет, – жалким голосом прошу я, – поню-хай-ка!

Нюхает, а сам, как паровоз.

Охотничьи собаки (сборник рассказов). Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

Самое сильное наказание.

Вот теперь я уже смело свищу и знаю, непременно прибежит ко мне матка: всех соберет, одного не хватит – и прибежит за последним.

Их всех, кроме моего, семь; слышу, как один за другим, отыскав мать, смолкают, и когда все семь смолкли, я, восьмой, спрашиваю:

– Где ты, мама?

– Иди к нам, – отвечает она.

– Фиу, фиу: нет, ты веди всех ко мне.

Идет, бежит, вижу, как из травы то тут, то там, как горлышко бутылки, высунется ее шея, а за ней везде шевелит траву и весь ее выводок.

Все они сидят от меня в двух шагах, теперь я говорю Ярику глазами:

– Ну, не будь дураком!

И пускаю своего тетеревенка.

Он хлопает крыльями о куст, и все хлопают, все вздымаются. А мы из куста с Яриком смотрим вслед улетающим, смеемся:

– Вот как мы вас одурачили, граждане!

КЭТ

Кэт – собака от премированных родителей, хорошо известных всем знатокам собак. Порода ее современная, легавая континенталь. Рубашка у Кэт двухцветная, на спине два седла, остальное все по белому как бы кофейные зерна рассыпаны.

Это я переименовал ее в Кэт, а у хозяев она звалась Китти. Владельцы собаки были интеллигентные молодожены. Первые два года у них не было детей, и Китти заменяла им ребеночка. Все два года она лежала у них на диване в Москве. Еще бы немного, и охотничья собака прекрасной породы превратилась бы в бесполезную изнеженную фаворитку. Но к концу второго года молодой женщине стало трудно спускаться и подниматься с собакой на пятый этане, а муж весь день был на службе. В это время у меня случилось несчастье с Верным – его искусала бешеная собака, и мне было бы теперь слишком тяжело рассказывать, как пришлось с ним расстаться. Узнав о легавой, я, все-таки недовольный своим слишком горячим Яриком, решил заняться этой собакой, уговорил хозяев, они недорого мне ее продали и, всплакнув, просили никогда не бить.

Я слышал от опытных дрессировщиков, что двухлетний возраст для натаски не беда, лишь бы только собака была не тронута неумелой рукой. А Кэт была до того не испорчена, что даже за птичками не гонялась, охотилась вначале только за цветами: на ходу очень любила скушать и высоко подбросить венчик ромашки. Свойство ее породы – исключительная вежливость и понятливость, и хорошо было, что она самка: сучка всегда умней. Все, что называется комнатной дрессировкой, я проделал с ней почти что в один день. Я положил на пол белый хлеб, и, когда собака сунулась было к нему, я с громким криком «тубо» угостил ее щелчком.

– Это тебе, – говорю, – не на диване лежать.

В четверть часа я не только научил ее не хватать пищи без позволения, а даже не трогать кусочек, если он лежал на носу.

Потом я выучил ее вперед и назад, действуя исключительно только повышением голоса, ищи, сюда, тише, к ноге. На другой день я учил собаку в густом орешнике, где не было никакой дичи: я прятался в кустах, она меня разыскивала, и так в один день я научил ее короткому лесному поиску. В поле, конечно, не сразу далось: я ходил, как яхта против ветра, галсами, движением руки или легким посвистыванием заставлял ее делать то же самое. Дня три я так ходил, и, наконец, все необходимое для начала натаски по живой дичи было сделано.

Охотничьи собаки (сборник рассказов). Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Я повел Кэт в натаску на болото, когда бекасы и дупеля еще не высыпали из крепких мест в открытые, и там были только молодые чибисы. Написано совершенно неверно в охотничьих руководствах, что будто бы чибис плохой материал для натаски: я не знаю лучшего. Правда, горячих собак старые чибисы несколько волнуют, но их легко разогнать выстрелами, зато уж молодой лежит рыжей лепешкой до того крепко, что очень легко ногой наступить.

Кэт поначалу не чуяла этих лепешек, я нашел сам, скovyрнул, лепешка сделалась чибисом, и он, не умея еще летать, заковылял между кочками. Сказав умри, я уложил собаку, но позволил ей провожать глазами чибиса, пока он опять не залег между кочками лепешкой.

– Тихо, вперед!

И Кэт пошла, ужимаясь. Стойки не сделала, а только понюхала, и тот опять тронулся в ход. Я повернул голову собаки в другую сторону, чтобы она не видела, где снова ляжет чибис, сам же заметил и пустил искать против ветра галсами.

Ветру она не взяла, но нижним чутьем прихватила и принялась строчить, как на швейной машинке, пока не нашла. Стойки опять не было, опять она спихнула чибиса носом. Я проделал то же сто раз и ничего не добился: причуять по воздуху и остановиться собака не могла. Я ушел с болота в раздумье: очень может быть, что собака за два года комнатной жизни в Москве потеряла природное чутье. Но, может быть, в новых условиях чутье возродится.

Ляхово болото, где я проделывал опыты с чибисами, от меня восемь верст. Мне невозможно было ходить туда часто и следить, когда появятся на чистых местах бекасы и дупеля. Но зато возле озера, в зарослях, я нашел болотинку десятины в две, и Кэт скovyрнула тут двух старых бекасов. По этим двум бекасам я и стал ежедневно натаскивать собаку. Все-таки и эта прогулка у меня отнимала утром часа два, и притом каждый раз необходимо было переодеваться, потому что пролезать на болотинку надо было по очень топким местам. И досадно же было возвращаться всегда с одним и тем же результатом: Кэт, ковыряя в болоте, спугивала бекасов без всякой для себя пользы.

Однажды я взял с собой на болото ружье и убил одного из бекасов. Он свалился в крепь. Кэт его там разыскала, но совершенно так же, как молодого чибиса: крутилась до тех пор, пока уставилась в него носом в упор. Все-таки польза была от этого, что она познакомилась с запахом птицы, так что на другой день я мог рассчитывать на какое-нибудь новое достижение.

Муки творчества, я думаю, переживают не только поэты, в собачьих делах муки не меньше, и тоже вдруг ночью приходит в голову иногда ясная мысль, от которой потом начинаются новые пути в исканиях. Мне вспомнился ночью спор в журнале «Охотник» о жизни бекасов: одни писали, что самец-бекас после оплодотворения самки не участвует в дальнейшей жизни семьи, другие, напротив, говорили, что бекас-самец часто держится возле гнезда. И вот я подумал о своих двух бекасах, что один был самец, а другая самка и что тут вблизи должно быть у них непременно гнездо. Утром я с большим интересом иду на болотце. Кэт ковыряется, бекас вылетает, она добирает и торчит в одной точке. Раздвигаю болотную траву и нахожу на кочке четыре бекасиных яйца, поражающих своей величиной относительно тела самого бекаса.

Хорошо, как хорошо! Я теперь буду ежедневно приучать собаку к стойке, буду непременно подводить на веревочке, разовью постепенно чутье, потом выведутся молодые бекасы, буду их ловить, прятать...

Как интересно было на другой день прийти на это болото, но того, что случилось, я не ожидал. Всего от входа в болотце и до гнезда, я думаю, шагов двести, и вот как только вышла Кэт из кустов, самое большее, может быть, прошла шагов пятьдесят, значит, уже наверно на полтора шага шагов, делает стойку, ведет, ближе, ближе, да как ведет-то: тят, тят своими тонкими ножками, как балерина. Сапожищи у меня конские, огромные, сделаны так хозяйственно, что нужно на ногу целый дом тряпья наверх. Она ступит, и слышно разве только, что капелька стукнет о воду. Я иду, как мамонт. Из-за моего шума она останавливается, смотрит на меня страшно строго и только не говорит:

– Тише, тише, хозяин!

Охотничьи собаки (сборник рассказов). Михаил Михайлович Пришвин prishvinmikhail.ru

Шагов за пять она остановилась окончательно, я оглаживал ее, поощрял двинуться еще хоть немножечко, но дальше двинуться было невозможно: как только я хляпнул своим сапогом, бекасиха вылетела.

Кэт взволновалась, казалось, говорила:

– Ах, ах, что такое случилось?

Но с места не двинулась. Я позволил ей осторожно подойти и понюхать гнездо.

Я был счастлив, но когда выходил с болота, то заметил начало болотного сенокоса, и мне сказали, что это болотце тоже будут косить сегодня же вечером. Нельзя было попросить крестьян не трогать гнезда, их было много, и один непременно нашелся бы такой, который нарочно бы и разорил, если бы я попросил. Я вернулся на болото, срезал несколько ивовых веток, воткнул их возле гнезда, и получился кустик. Я боялся только одного, что бекасиха испугается веток и бросит гнездо. Нет, на другой день Кэт повела меня по скошенному болоту совершенно так же, как и вчера, и остановилась возле окошенного кустика опять на пять шагов, и опять бекасиха вылетела.

Одновременно со мной, конечно, где-то в других местах натаскивали своих собак художник Борис Иванович и один доктор. У Бориса Ивановича был французский пойнтер, у Михаила Ивановича ирландская сука. Вот я позвал их к себе, будто бы просто чаю попить, побеседовать, а потом завел их в болотце и показал...

Словом, я затрубил в трубу, счастье мое было так велико, что даже неловко было, и я говорил художнику:

– Вы очень умно сделали, Борис Иванович, что для натаски взяли пойнтера, видите, мой в три недели готов.

Доктору я говорил:

– Вы очень умно сделали, Михаил Иванович, что выбрали ирландского сеттера: поработаете, но зато потом уж собаку получите незаменимую.

Конечно, они мгновенно разнесли слух о моих необыкновенных способностях натаскивать собак, и в своем месте я стал знаменитостью.

Нет, молодые собачники, охотники, молодожены, поэты, не верьте никогда внезапному счастью, знайте, напротив, что иллюзия эта в самом деле есть величайший барьер на вашем пути, и вы должны не сидеть на нем, а перескочить. Неделю, не больше, я наслаждался идеальными стойками замечательно породистой Кэт.

Болотце, когда сено убрали и прошло еще с неделю времени, еще лучше позеленело, чем было, и раз, когда я пришел на него в чудесный серенький день, выглядело страшно аппетитно, казалось, вот-вот должен вылететь бекас. И он, правда, как только ступила Кэт, вылетел. Она на него не обратила никакого внимания. Потом вылетел у нее прямо из-под ноги совсем еще молодой бекасенек. Собака, не обращая внимания, вела к гнезду, как безумная. И другой молодой вылетел, и третий, и четвертый, пятый. Она все вела и вела. И так же, как раньше, стала мертво в пяти шагах от гнезда, а, когда я посмотрел, в гнезде были только скорлупки.

Я подумал, что гнездо пахнет сильнее самих бекасов, и выбросил скорлупки.

На другой день собака вела по кочке.

Уничтожаю кочку, складываю на месте гнезда сушь, зажигаю костер.

Собака сталкивает ногой молодых бекасов и ведет по кострищу.

Значит, все время с самого начала она работала только по памяти.

Значит, все было только представление.

Значит, собака не чувствует самую жизнь, а только ее представляет. Это не собака –

Охотничьи собаки (сборник рассказов). Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru друг и помощник охотника, не производительница живых чутыстых щенков, – это собака-актриса.

Многие охотники в таких случаях щеголяют выстрелом. Я же решил попробовать уговорить ее прежних хозяев взять ее обратно, намекнув на обычный конец таких собак у охотников.

В день разрешения охоты я позабавился с ребятами стрельбою уток это не моя охота.

Через неделю ходил по тетеревиным выводкам – люблю, но не совсем. Я люблю стрелять самых поздних тетеревов, и когда собака останавливается на громадном от них расстоянии, сам соображаешь, как бы так зайти, чтобы их встретить, и когда это удастся, то каждый убитый за десять летних считается.

Рябина все краснеет и краснеет. Стрижи давно улетели. Табунятся и ласточки. Скосили овсы. Пожелтели сверху донизу липы, а в болотах – осины и березы. Было уже два легких морозца. Почернела ботва картофеля, и начался разрыв души у охотника в лесу – интересные черные тетерева, в болоте – жировые бекасы, в поле – серые куропатки.

Стараюсь все захватить, но сказали:

– Вчера Борис Иванович убил пролетного дупеля.

Тогда тетерева, куропатки – все брошено, и я за восемь верст в Ляховом болоте стерегу валовой пролет, и если сегодня два убито, а завтра три, говорю: подсыпают.

Вот однажды в самый разгар дупелиных высыпок мои ужасные сапоги, наконец-то, растерли так мою ногу, что идти в болото было уже невозможно. Нанять лошадь во время рабочей поры и дорого и, главное, мне стыдно: такой уж я уродился, не могу ехать на охоту.

Денек задумался. В больших березах золотые гнезда.

Такая грустная, такая жалкая подходит ко мне Кэт. Как она похудела!

Мне стало жалко хорошенькую собачку. Серые куропатки у нас прямо за двором на жнивье, и потому, что это так близко, я их за дичь не считаю, берегу, не стреляю. Но почему же не попробовать на них собаку и парочку не убить на жаркое?

Выхожу в поле в сандалиях. Ветерок дует как раз на меня. Пускаю Кэт, как яхту, галсами против ветра. На одном из первых галсов она схватила воздух, прыгнула в сторону и стала. Она постояла немного и грациозно, как балерина, прыгнула в другую сторону, опять стала и глядела все в одну точку. Потом она постояла и начала все это пространство между мной и невидимой целью, бегая из стороны в сторону, срезать, как сыр, тонкими ломтиками. Когда, обнюхав, она поняла, что уже недалеко, вдруг повела совершенно так же, как тогда по пустому бекасиному гнезду.

Стала она, как мотор, вся дрожала, удерживаясь с трудом от искушения прыгнуть в самую точку запаха.

И вдруг! Знаете, с каким треском вылетает громадный, штук в тридцать, табунок серых куропаток? Я выстрелил и раз и два. Обе куропатки упали недалеко.

И она это видела.

Тогда-то, наконец, мне все стало ясно. Я натаскивал собаку в лесном болотце, окруженном кустами, где не было движения воздуха. Там она не могла понять, что от нее требуют и тыкалась носом в землю. Тут от сильного ветра у нее сразу пробудилось забитое Москвой умение пользоваться чутьем.

Но раз она поняла по куропаткам, то непременно должна в открытом болоте взять бекасов и дупелей. Я совсем забыл, что вышел в сандалиях, что с собой у меня нет и корочки хлеба. Да разве можно тут помнить! Прямо, как есть, я спешу, почти что

Охотничьи собаки (сборник рассказов). Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru бегу в Ляхово болото за восемь верст.

Первое испытание было в очень топком месте, так что собаке было по брюхо. Она повела верхом к темнеющей кругловинке. Это оказалось прошлогодней остожиной. Там поднялись сразу дупель и бекас. Я успел убить только дупеля. Но она разыскала и перемещенного бекаса. Я убил и бекаса. А потом все пошло и пошло.

Ляхово болото тянется на пять верст, а солнце спешит. Я до того дохожу, что прошу солнце хоть немножечко постоять, но бесчеловечное светило садится. Темнеет. Я уже и мушки не вижу, стреляю в наброс.

Потом я выхожу из болота на жнивье и чувствую страшную боль в ноге: жнивье впилось в мои раны, а сандалии давно и совершенно нечувствительно для меня потонули в болоте.

После больших и прекрасных охот в Ляхове мне случилось однажды зайти на ту болотинку-сцену, где Кэт когда-то давала свое, чуть не погубившее ее жизнь, представление. И вот какая у них оказывается память: ведь опять подобралась и повела было по пустому месту. Но запах настоящего живого бекаса перебил у нее актерскую страсть, и, бросив фигурничать, она повела в сторону по живому. Я не успел убить его на взлете, стал вилять за ним стволом до тех пор, пока в воздухе от этих виляний мне не представилась как бы трубочка, я ударил в эту трубочку, и бекас упал в крепь. В этот раз я, наконец, решился послать собаку принести, и скоро она явилась из заросли с бекасом во рту.

АНЧАР

Люблю гончих, но терпеть не могу накликать в лесу, порскать, лазать по кустам и самому быть, как собака. У меня было так: пушу, а сам чай кипятить, не спешу даже когда и подымет: пью чай, слушаю, и как пойму гон, перехватываю, становлюсь на место – раз! и готово.

Я так люблю.

Была у меня такая собака Анчар. Теперь в Алексеевой сече, откуда лощина ведет на вырубку, – в этой лощине над его могилой лесная шишига стоит.

Не я выходил Анчара. Привел раз мне один мужичок гончую, был это рослый, статный кобель и на глазах очки.

Спрашиваю:

– Краденый?

– Краденый, – говорит, – только давно было, зять щенком из питомника украл, теперь за это ничего не будет. Чистая порода...

– Породу, – говорю, – сам понимаю, а как гоняет?

– Здорово.

Пошли пробовать.

И только вышли из деревни к завору, пустили, поминай, как звали, только по седой узерке след остался зеленый...

В лесу этот мужичок говорит мне.

– Я что-то озяб, давай грудок разведем.

«Так не бывает, – думаю, – не смеется ли он надо мной?» Нет, не смеется, собирает дрова, поджигает, садится.

– А как же, – спрашиваю, – собака?

– Ты, – говорит, – молод – я стар, ты не видал такого, я тебя научу: о собаке не беспокойся, она свое дело знает, ей дано искать, а мы будем чай пить.

Охотничьи собаки (сборник рассказов). Михаил Михайлович Пришвин prishvinmikhail.ru
И ухмыляется.

Выпили мы по чашке.

– Бам!

Я так и рванулся.

Мужичок засмеялся и спокойно наливает себе вторую чашку.

– Послушаем, – говорит, – что он поднял.

Слушаем.

Густо лает, редко и хлестко гонит.

Мужичок понял:

– Лисицу мчит.

Мы по чашке выпили, а тот уж версты четыре пролетел. И вдруг скололся. Мужичок в ту сторону рукой показал, спрашивает:

– Там у вас коров пасут?

И верно, в этой стороне пасут карачуновские.

– Это она его в коровий след завела, теперь он добирать будет. Выьем еще по одной.

Но недолго пришлось отдохнуть лисице, опять схватил свежий след и закружил на малых кругах, – видно, была местная. И как на малых кругах пошел, мужичок чай пить бросил, грудок залил, раскидал ногами и говорит:

– Ну, теперь надо поспешать.

Бросились перехватывать на полянку перед лисьими норами. Только расставились, и она тут на поляне, и кобель у нее на хвосте. Трубой она ему показала в болото, он же не поверил – тят! за шею, она – вию! и готово: лисица, – и он рядом ложится лапу зализывать.

Его звали глупо: «Гончар», я же на радости крикнул:

– Анчар!

И так пошло после: Анчар и Анчар.

Сердце охотничье, вы знаете, как раскрывается? Знаете, утро, когда мороз на траве и перед восходом солнца туман, потом солнце восходит и мало-помалу туман отдалается, и то, что было туман, стало синим между зелеными елями и золотыми березками, да так вот и пошло все дальше и дальше синеть, золотиться, сверкать. Так суровый октябрьский день открывается, и точно так открывается сердце охотничье: хлебнул мороза и солнца, чхнул себе на здоровье, и каждый встречный человек стал тебе другом.

– Друг мой, – говорю мужичку, – по какой беде ты собаку такую славную за деньги отдаешь в чужие руки?

– Я в хорошие руки отдаю собаку, – сказал мужичок, – а беда моя крестьянская: корова зелеными морозцу хватила, раздулась и околела: корову надо купить, без коровы нельзя крестьянину.

– Знаю, что нельзя, жаль мне очень тебя. А что же ты просишь за собаку?

– Корову же и прошу, у тебя две, отдай мне свою пеструю.

Отдал я за Анчара корову.

Охотничьи собаки (сборник рассказов). Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru Эх, и была же у меня осень, в лесу не накликаю, не порскаю, не колю глаза сучьями, хожу себе тихо по дорожкам, люблюсь, как изо дня в день золотеют деревья, бывает, рябцами займусь, намну тропок, насвистываю, и они ко мне по тройкам сами бегут. Так прошло золотое время, в одно крепкое морозное утро солнце взошло, пригрело, и в полдень весь лист на деревьях осыпался. Рябчик на манок перестал отзываться. Пошли дожди, запрела листва, наступил самый печальный месяц – ноябрь.

Вот нет этого у меня, чтобы шайками в лес на охоту ходить, я люблю идти в лесу тихо, с остановками, с замиранием, и тогда всякая зверюшка меня за своего принимает, всякую такую живность очень люблю я разглядывать, всему удивляюсь и бью только, что мне положено. И это мне хуже всего, когда шайками в лесу идут, гамят и бьют все, что попадается. Но бывает, какой-нибудь согласный приятель, понимающий охотник явится – люблю проводить его, другое это удовольствие, а тоже хорошее: хорошему человеку до смерти рад. Так пишет мне в начале ноября из Москвы один охотник, просится со мной погонять. Вы все знаете этого охотника, не буду его называть. Конечно, я очень ему обрадовался, отписал ему, и в ночь под седьмое он ко мне является.

И вот нужно же так: перед этим лег было славный зазимок и как раз под седьмое растаял: грязно, моросит мелкий холодный дождик. Всю ночь я не спал, беспокоился, как бы дождик не помешал и не смыл ночные следы. Но счастливо вывезло после полуночи, и к утру зайцы славно набегали.

До рассвета, при утренней звезде мы чаю напились, наговорились и, когда заголубело в окне, вышли с Анчаром на русаков.

Озимый клин в эту осень начинался у самой деревни, была озимь в ту осень густая, тугая, сочно-зеленая, хоть сам ешь. И русак на этой озими так наедался, вы не поверите, сало внутри висело, как виноград, и я почти по фунту с русака надирал. Весело взял Анчар след, покружил, разобрался в жировке и пошел прямым ходом на лежку. В лесу в это время капель, шорох. Этого русак очень боится, выбирается и ложится у нас на вырубке против Алексеевой сечи. И как я понял Анчара, что он с зеленой пошел на вырубку, – скорей на пустошь к лощине: с вырубки русаки непременно этой лощиной бегут. На первое место я поставил приятеля, у края оврага, сам же стал по другой стороне, и ему не видно меня, а мне он весь, как на ладони.

План, конечно, и на охоте необходим, но только редко по плану приходится. Ждем-пождем – нет гона, и Анчар как провалился.

– Сережа, – кричу я.

Ах, виноват, не хотел я называть вам этого охотника, вы все его знаете, ну, да ведь, Сергеев у нас много.

– Сережа – кричу я, – потруби Анчара.

Свой охотничий рог я ему отдал он большой мастер трубить и любит. И только взялся Сережа за рог, гляжу – Анчар к нам бежит по лощине. Сразу я понял по его походке он тем же самым следом бежит и еще понял, это того русака лисица или сова перегнали с лежки, он прошел уже лощину, и Анчар его добирает. Вот когда он поравнялся с моим приятелем, гляжу, тот поднимает ружье и прицеливается.

И ничего бы не было если бы в ту минуту я вспомнил, что как раз с этого самого места раз я сам в человеческую голову целился и только вот чуть-чуть не убил лощиной шел человек в заячьей шапке мне была только шапка видна, и вот только бы курок спустить, вдруг вся голова показалась Мелькни мне это в памяти, я понял бы, что сверху видна только шерсточка, крикнул бы и остановился. Но я подумал – приятель мой балуется, это постоянно бывает у городских охотников, как у застоялых коней.

Думал, шутит, и вдруг – бац!

Было тихо, дым весь пал в лощину и все застелил.

Обмер я и сразу вспомнил как с того места сам в человеческую голову чуть-чуть не выстрелил.

Охотничьи собаки (сборник рассказов). Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru

Синий дым лег на зеленую лощину. Жду я жду, и мгновенья проходят, как годы, и нет Анчара, нет из дыма не вышел Анчар. Как рассеялось, вижу, спит мой Анчар на траве вечным сном, на зеленой траве, как на постели.

С высоких деревьев на малые каплют тяжелые осенние капли, с малых – на кустики, с кустов – на траву, с травы – на землю печальный шепоток стоит в лесу и стихает только у самой земли тихо принимает в себя земля все слезы.

А я на все сухими глазами смотрю.

«Ну, что же, – думаю, – бывает и хуже, и человека по случаю убивают».

Перегорелый я человек, скоро с собой справился, и уж стало у меня складываться, как бы лучше мне сделать приятелю, поласковой с ним обойтись, знаю ведь, не лучше ему, чем мне, и на то мы охотники, чтобы горе умыть радостью. В Цыганове самогонка живет в каждой избе, так я и решил идти в Цыганово и все замыть. Сам думаю так, а сам смотрю на приятеля и удивляюсь сошел вниз поглядел на убитого Анчара, опять стал на место и стоит себе будто все еще гона ждет.

В чем же тут штука?

– Гоп! – кричу.

Отозвался.

– Ты в кого стрелял?

Помолчал.

– В кого, – кричу, – ты стрелял?

Отвечает:

– В сову.

Оторвалось у меня сердце.

– Убил?

Отвечает:

– Промазал.

Сел я на камень и вдруг все понял.

– Серега! – кричу.

– Ну!

– Потруби Анчара.

Гляжу, схватился Серега за рог и остановился. Сделал шаг в мою сторону видно, стыдно стало, шагнул другой раз и задумался.

– Ну же, – кричу, – потруби!

Он опять берется за рог.

– Скорей, – кричу, – скорей!

К губам рог приставляет.

– Да ну же, ну.

И затрубил.

Сижу я на камне, слушаю, как приятель трубит, и страшной чепухой занимаюсь вижу

Охотничьи собаки (сборник рассказов). Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru вот, как ворона за ястребом гонится, и думаю, почему же он ей не даст по затылку, ему бы только раз тюкнуть. С такими думами можно на камне сколько угодно сидеть. И тут же колом стоит вопрос о самом человеке почему ему нужен обман? Смерть есть конец, все кончается так просто и зачем-то всем надо трубить? Вот убита собака, никакой охоты у нас быть не может, и сам же он собаку застрелил и знает он, – человек я, не безделушка, с него не взыщу и слова попрека не скажу.

Кого он обманывает?

– Вот, – указываю, – иди ты по той тропинке, она тебя в Цыганово приведет, мы там с тобой выпьем, иди туда и потрубливай, все потрубливай, я же буду в лесу ходить и слушать, не викнет ли где-нибудь Анчар на трубу.

– Да ты, – говорит, – возьми рог и сам труби.

– Нет, – отвечаю – не люблю я трубить, у меня от этого в ушах звук остается, ничего не слышу, а тут надо слушать малейшее.

Оробел он и спрашивает нерешительно:

– А ты сам куда пойдешь?

Я показал в сторону, где Анчар лежит.

«Ну, – думаю, – деваться теперь ему некуда, сейчас признается».

И вот нет же, говорит:

– В ту сторону я тебе идти не советую, там и деревьев нет, на кусту он не может повеситься.

– Хорошо, – отвечаю, – я вон туда пойду. А ты, пожалуйста, не завывай, все потрубливай и потрубливай.

Как я сказал, что в другую сторону пойду, очень он обрадовался и затрубил, и так ему надо версты три все трубить и трубить.

«Нет, – говорю ему вслед, – на живых началах много бывает чудес, а на мертвых концах чудес не случается: не отзовется Анчар. Оттого настоящий охотник смотрит прямо в глаза и говорит: выпьем, друг, все кончилось».

Да, кого он обманывает?

У меня за поясом всегда маленький топорик для всякого случая, отрубил я им конец у сушины, вытесал вроде лопаты и выкопал яму в мягкой земле. Уложил Анчарушку в яму, холмик насыпал, нарезал дерну, обложил. На гари был у меня примечен чертик из обгорелого дерева, в сумерках он очень наших баб пугает, и все зовут его шишигой. Сходил я на гать, приволок эту шишигу и поставил Анчару памятник.

Стою, люблюсь на черта, а Сережа все трубит, трубит.

«Кого ты, Сережа, обманываешь?»

Моросит дождик, мелкий, холодный. С высоких деревьев падают тяжелые капли на малые, с малых – на кусты, с кустов – на траву и с травы – на сырую землю. Во всем лесу шепоток стоит и выговаривает: мыши, мыши, мыши... Но тихо принимает в себя мать-земля все слезы и напивается ими, все напивается...

Стало мне так, будто все дороги на свете в один конец сошлись, и на самом конце стоит лесной черт на собачьей могиле и с таким уважением на меня смотрит.

– Слушай, черт, – говорю, – слушай...

И сказал я речь над могилой и что сказал – потаю.

После того стало мне на душе спокойно, прихожу в Цыганово.

Охотничьи собаки (сборник рассказов). Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru – Перестань, – говорю, – Сережа, трубить, все кончено, я все знаю. Кого ты обманываешь?

Он побледнел.

Выпили мы с ним, заночевали в Цыганове. Охотника этого вы все знаете, у каждого из нас есть такой Сережа на памяти.

ПРЕДАТЕЛЬСКАЯ КОЛБАСА

Ярик очень подружился с молодым Рябчиком и целый день с ним играл. Так в игре он провел неделю, а потом я переехал с ним из этого города в пустынный домик в лесу, в шести верстах от Рябчика. Не успел я устроиться и как следует осмотреться на новом месте, как вдруг у меня пропадает Ярик. Весь день я искал его, всю ночь не спал, каждый час выходил на терраску и свистел. Утром – только собрался было идти в город, в милицию – являются мои дети с Яриком: он, оказалось, был в гостях у Рябчика. Я ничего не имею против дружбы собак, но нельзя же допустить, чтобы Ярик без разрешения оставлял службу у меня.

– Так не годится, – сказал я строгим голосом, – это, брат, не служба. А кроме того, ты ушел без намордника, значит, каждый встречный имеет право тебя застрелить. Безобразный ты пес.

Я все высказал суровым голосом, и он выслушал меня, лежа на траве, виноватый, смущенный, не Ярик – золотистый, гордый ирландец, а какая-то рыжая, ничтожная, сплюснутая черепаха.

– Не будешь больше ходить к Рябчику? – спросил я более добрым голосом.

Он прыгнул ко мне на грудь. Это у него значило:

– никогда не буду, добрый хозяин.

– Перестань лапиться, – сказал я строго.

И простил.

Он покатался в траве, встряхнулся и стал обыкновенным хорошим Яриком.

Мы жили в дружбе недолго, всего только неделю, а потом он снова куда-то исчез. Вскоре дети, зная, как я тревожусь о нем, привели беглеца: он опять сделал Рябчику незаконный визит. В этот раз я не стал с ним разговаривать и отправил в темный подвал, а детей просил, чтобы в следующий раз они только известили меня, но не приводили и не давали там ему пищи. Мне хотелось, чтобы он вернулся по доброй воле.

В темном подвале путешественник пробыл у меня сутки. Потом, как обыкновенно, я серьезно поговорил с ним и простил. Наказание подвалом подействовало только на две недели. Дети прибежали ко мне из города:

– Ярик у нас.

– Так ничего же ему не давайте, – велел я, – пусть проголодается и придет сам, а я подготовлю ему хорошую встречу.

Прошел день. Наступила ночь. Я зажег лампу, сел на диван, стал читать книжку. Налетело на огонь множество бабочек, жуков, все это стало кружиться возле лампы, валиться на книгу, на шею, путаться в волосах. Но закрыть дверь на террасу было нельзя, потому что это был единственный выход, через который мог явиться ожидаемый Ярик. Я, впрочем, не обращал внимания на бабочек и жуков, книга была увлекательной, и шелковый ветерок, долетая из лесу, приятно шумел. Я читал и слушал музыку леса. Ко вдруг мне что-то показалось в уголке глаза. Я быстро поднял голову, и это исчезло. Теперь я стал прилаживаться так читать, чтобы, не поднимая головы, можно было наблюдать порог. Вскоре там показалось нечто рыжее, стало красться в обход стола, и, я думаю, мышь слышней пробежала бы, чем это большое подползало под диван. Только знакомое неровное дыхание подсказало мне, что Ярик был под диваном и лежал как раз подо мной. Некоторое время я читаю и жду, но терпения у меня хватило ненадолго. Встаю, выхожу на террасу и начинаю звать Ярика строгим голосом и ласковым, громко и тихо, свистать и даже трубить.

Охотничьи собаки (сборник рассказов). Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Так уверил я лежащего под диваном, что ничего не знаю о его возвращении.

Потом я закрыл дверь от бабочек и говорю вслух:

– Верно, Ярик уже не придет, пора ужинать.

Слово ужинать Ярик знает отлично. Но мне показалось, что после моих слов под диваном прекратилось даже дыхание.

В моем охотничьем столе лежит запас копченой колбасы, которая чем больше сохнет, тем становится вкуснее. Я очень люблю сухую охотничью колбасу и всегда ем ее вместе с Яриком. Бывало, мне довольно только ящиком шевельнуть, чтобы Ярик, спящий колечком, развернулся, как стальная пружина, и подбежал к столу, сверкая огненным взглядом.

Я выдвинул ящик, – из-под дивана ни звука. Раздвигаю колени, смотрю вниз – нет ли там на полу рыжего носа, – нет, носа не видно. Режу кусочек, громко жую, заглядываю, – нет, хвост не молотит. Начинаю опасаться, не показалась ли мне рыжая тень от сильного ожидания и Ярика вовсе и нет под диваном. Трудно думать, чтобы он, виноватый, не соблазнился даже и колбасой, ведь он так любит ее; если я, бывало, возьму кусочек, надрежу, задеру шкурку, чтобы можно было за кончик ее держаться пальцами и кусочек ее висел бы на нитке, то Ярик задерет нос вверх, стережет долго и вдруг прыгнет. Но мало того: если я успею во время прыжка отдернуть вверх руку с колбасой, то Ярик так и остается на задних ногах, как человек. Я иду с колбасой, и Ярик идет за мной на двух ногах, опустив передние лапы, как руки, и так мы обходим комнату и раз, и два, и даже больше. Я надеюсь в будущем посредством колбасы вообще приучить ходить его по-человечески и когда-нибудь во время городского гулянья появиться там под руку с рыжим хвостатым товарищем.

И так вот, зная, как Ярик любит колбасу, я не могу допустить, чтобы он был под диваном. Делаю последний опыт, бросаю вниз не кусочек, а только шкурку, и наблюдаю. Но как внимательно я ни смотрю, ничего не могу заметить: шкурка исчезла как будто сама по себе. В другой раз я все-таки добился: видел, как мелькнул язычок.

Ярик тут, под диваном.

Теперь я отрезаю от колбасы круглый конец с носиком, привязываю нитку за носик и тихонько спускаю вниз между колен. Язык показался, я потянул за нитку, язык скрылся. Переждав немного, спускаю опять – теперь показался нос, потом лапы. Больше нечего в прятки играть: я вижу его, и он меня видит. Поднимаю выше кусочек Ярик поднимается на задние лапы, идет за мной, как человек, на двух ногах, на террасу, спускается по лесенке на четырех по-собачьи, опять теперь он понимает мою страшную затею и ложится на землю пластом, как черепаха. А я отворяю подвальную дверь и говорю:

– Пожалуйте, молодой человек.

ТЕПЛЫЕ МЕСТА

Когда мокрая, холодная Нерль возвращается с болотной охоты, мать ее Кента вперед покрикивает, зная, что она, мокрая, непременно приблизится к ней погреться на теплом матрасике. А когда разлежится Нерль и мокрой возвращается Кента, молодая, любопытная Нерль, желая поскорее узнать, что я убил, вскакивает, и Кента занимает ее теплое место. Случается, я не иду на охоту, а только проведываю собак. Обе они тогда вскакивают, навязываясь.

– Меня возьми, меня возьми!

Поглажу одну, другую. Каждая думает от этого, что я ее возьму, а не другую, и от волнения лезут на грудь с лапами. Но это им строго запрещается. Я приказываю:

– Охоты не будет. Ложитесь на место!

И они ложатся на матрасики, но непременно Кента ложится на место Нерли, а Нерль на матрасик своей матери. Каждой собаке кажется, что место, занятое ее соседкой, теплее.

Охотничьи собаки (сборник рассказов). Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
КАК Я НАУЧИЛ СВОИХ СОБАК ГОРОХ ЕСТЬ

Лада, старый пойнтер десяти лет, – белая с желтыми пятнами. Травка – рыжая, лохматая, ирландский сеттер, и ей всего только десять месяцев. Лада – спокойная и умная. Травка – бешеная и не сразу меня понимает. Если я, выйдя из дому, крикну: «Травка!» – она на одно мгновение обалдеет. И в это время Лада успевает повернуть к ней голову и только не скажет словами: «Глупенькая, разве ты не слышишь, хозяин зовет».

Сегодня я вышел из дому и крикнул:

– Лада, Травка, горох поспел, идемте скорей горох есть!

Лада уже лет восемь знает это и теперь даже любит горох. Горох ли, малина, клубника, черника, даже редиска, даже репа и огурец, только не лук. Я, бывало, ем, а она, умница, вдумывается, глядишь, и себе начинает рвать стручок за стручком. Полный рот, бывало, наберет гороху и жует, а горох с обеих сторон изо рта сыплется, как из веялки. Потом выплюнет шелуху, а самый горох с земли языком соберет весь до зернышка.

Вот и теперь я беру толстый зеленый стручок и предлагаю его Травке Ладе, старухе уж конечно, это не очень нравится, что я предпочитаю ей молодую Травку. Лохмушка берет в рот стручок и выплевывает. Второй даю – и второй выплевывает. Третий стручок даю Ладе. Берет. После Лады опять Травке даю. Берет. И так пошло скоро один стручок Ладе, другой – Травке. Дал по десять стручков.

– Жуйте, работайте!

И пошли жернова молоть горох, как на мельнице. Так и хлещет горох в разные стороны у той и другой. Наконец, Лада выплюнула шелуху, и вслед за ней Травка тоже выплюнула. Лада стала языком зерна собирать. Травка попробовала и вдруг поняла и стала есть горох с таким же удовольствием, как и Лада. Она стала есть потом и малину, и клубнику, и огурцы. И всему этому я научил Травку из-за большой любви ко мне Лады. Лада ревнует ко мне Травку и ест, Травка Ладу ревнует и ест. Мне кажется, если я устрою между ними соревнование, то они, пожалуй, скоро у меня и лук будут есть.

Примечания

1 Хвост у пойнтера называется по-охотничьи прутом.

2 Тубо – нельзя.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://prishvinmihail.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!